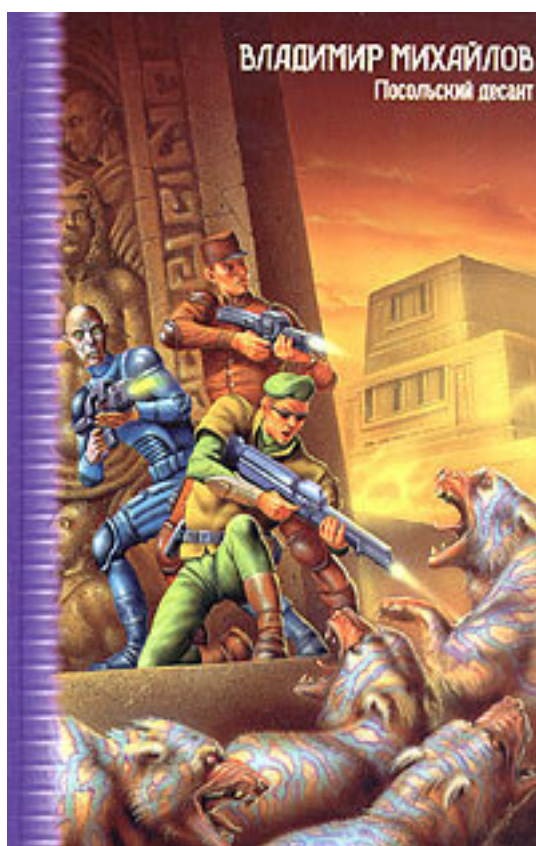

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
Посольский десант

Посольский десант

Владимир Михайлов

Посольский десант

«Автор»

2005

Михайлов В. Д.

Посольский десант / В. Д. Михайлов — «Автор»,
2005 — (Посольский десант)

Нелегкое это дело – подстраиваться под традиции и нравы жителей других планет. Космическим дипломатам Изнову и Федорову приходится на собственной шкуре испытать все прелести жизни разумных существ трех разных обитаемых миров.

© Михайлов В. Д., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Владимир Михайлов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Михайлов Посольский десант

Слова чужого языка доходили до сознания как бы с натугой, пробиваясь сквозь плотный занавес электронных преобразований, чтобы преодолеть двойную инерцию – мембран и непривычности. Но и став понятными, они, слова, до такой степени не соответствовали зримой ситуации, что Изнову продолжало казаться: хитрая механика безбожно врет, и на самом деле смысл разговора совершенно иной, хозяева по какой-то своей причине не желают донести до невольных своих гостей подлинный смысл произносимого или же просто разыгрывают сценку с непонятной целью. Посол покосился на спутников: не исключено, что только ему подсунули аппаратуру со сбоем, они же все понимают. Но и на их лицах было написано то же осторожное недоумение, не более того. Оставалось лишь вздохнуть и слушать дальше.

А сцена и на самом деле была непонятной, хотя и очень занимательной, начиная с того интерьера, в котором она развивалась – или игралась, может быть.

Зал, в котором все происходило, похож был, пожалуй, на космический терминал в какой-то из узловых точек пространства – впрочем, скорее даже не на терминал, а на стартовый эллинг внутрисистемных сообщений или на посадочный зал космического лифта где-нибудь на Дораде или Симоне Второй. Потолок его, смыкавшийся граненым куполом на поистине невероятной высоте, был, похоже, зеркальным и щедро бросал вниз потоки света, излучавшегося тремя сплошными ярусами прожекторов, способных, казалось, расплавить и вольфрамовый монолит, и вообще все на свете, если только поместить предмет в фокусе. В результате взаимодействия светильников и потолка низ зала был погружен в яркий, но не резкий свет, не дававший теней, и все происходившее – даже будь то в сотне метров – различалось совершенно четко. Например, было совершенно ясно видно, что в дальнем от смотревших конце зала стены вообще не было – помещение ничем не отделялось от широкой улицы, скорее даже проспекта, по которому струился непрерывный поток машин, тротуары же были заняты такой же плотной массой людей – а вернее, здешних обитателей. Если же посмотреть вправо – там виднелась, отделенная от прочего пространства стеклянной (или из другого не менее прозрачного материала) стеной, какая-то мастерская, а может быть, целый цех, уставленный – насколько можно было отсюда различить – какими-то совершенно незнакомого вида машинами и аппаратами, видимо, работавшими на полную мощность – судя по доносившемуся с той стороны непрерывному, хотя и приглушенному расстоянием гулу. Похоже, и вся остальная внутренность эллинга была заполнена какими-то – как их назвать? – предприятиями, заведениями, может быть, даже находился невдалеке и ресторан – судя по долетавшему сюда слабому, но весьма привлекательному запаху приготовленной еды; откуда-то издали доносилась ритмичная, словно для танца, музыка, исполнявшаяся, похоже, целыми сотнями музыкантов; одним словом, под граненым куполом помещалось, кажется, буквально все, что могло вызвать у нормального человека – или человекоподобного – самый живой интерес.

Однако те события, при которых пятеро – двое землян и три их спутника – присутствовали, хотя и не совсем по своей доброй воле, совершались не на таком расстоянии, а здесь, рядом, в нескольких метрах, в пространстве, ничем не ограниченном, кроме разве нескольких расположенных пятиугольником длинных диванов, но все же ощутимо отличавшемся – благодаря, может быть, этой относительно нормальной мебели, какая в нем размещалась, – от остальной прилежавшей части грандиозного помещения, которую заполняли – не считая того, о чем было уже сказано и что находилось достаточно далеко, – не очень понятного назначения механизмы в равной доле с кубами и цилиндрами, в коих по каким-то неуловимым признакам угадывалась электронная начинка, а также экранированными шкафами, где сохранялись, надо

полагать, потребные в этом хозяйстве материалы; были там и тележки на маленьких пухлых колесах – наверное, для быстрого перемещения в этом пространстве, и другие тележки – с перилами, но без колес; две такие платформы сейчас парили где-то на полпути между полом и потолком; и еще мало ли что там находилось.

Впрочем, вовсе не вся эта машинерия озадачивала Изнова и его спутников. Видывали они и не такое в разных концах мироздания. Нет; другое было непонятым – хотя, надо сказать, что-то сейчас происходило в сознании гостей, отделявшая их от остальных присутствовавших существ грань все истончалась, многое, казавшееся непостижимым, вдруг ясно, и в какие-то мгновения начинало вдруг представляться, что происходит все это в давно и хорошо знакомых местах – на Terre, может быть, или в крайнем случае на Синере, и до полного понимания событий остается лишь какой-то совсем малый шаг.

Непонятое же заключалось прежде всего вот в чем. На этом самом пяточке, условно выделенном из всего подкупольного простора, находились, кроме гостей (доставленные сюда, они как-то сразу оказались отодвинутыми в сторону и даже вовсе забытыми, так и не успев додуматься, чего же ради их, даже не спросив согласия, сюда притащили, предварительно остановив в пространстве и заставив заниматься всякими, совершенно для них неожиданными и непривычными, делами, так что все пятеро уже стали было прощаться с недопрожитой жизнью), – кроме них и того, кто находился здесь еще до того, как их доставили – сидел, удобно развалившись, в пухлом, словно накачанном, кресле, время от времени поднося ко рту что-то, напоминавшее длинный, украшенный тонкой резьбой мундштук кальяна, с видимым удовольствием вдыхая и после паузы выдыхая зеленоватый дымок, – кроме, следовательно, шестерых, еще не успевших и словом обменяться, тут вдруг как-то неожиданно оказалась еще самое малое дюжина – людей не людей, но, в общем, соответствовавших им здешних обитателей, внешне даже не очень разнившихся от землян или от того же Меркурия; детали, конечно, не совпадали, но дипломатам и разведчикам сейчас не до мелочей было, хотелось прежде всего хотя бы понять – что же с ними будет дальше, отчего и зачем их сюда доставили, каким еще испытаниям собираются подвергнуть и когда же отпустят и позволят (если вообще отпустят и позволят) продолжить свой так удачно начатый сколько-то времени тому назад на Иссоре путь. Вот и приходилось смотреть, слушать и как-то соображать. Если, кстати, отвлечься от мелких деталей, принять эту дюжину условно за людей, то получалось воистину любопытное впечатление. Все они были, по людским меркам, хорошо, иные даже очень хорошо, одеты (чтобы понять такую вещь, вовсе не обязательно быть в курсе местных мод, вполне достаточно оценить даже и на глазок качество материала и тщательность выработки одежды, хотя цветовые вкусы могут в разных мирах, конечно, до смешного не совпадать); и не только одеты, но и неплохо откормлены (если сравнить хотя бы с тем персоналом, что доставил путешественников с космодрома сюда), и голосами обладали зычными, хотя интонации порой казались землянам и даже их спутникам не вполне сопоставимыми с тем, к чему люди привыкли дома и в других знакомых мирах. И только по прошествии немалых минут все это стало понемногу находить какое-то – может, и неверное, но хотя бы приемлемое – объяснение.

Итак, эта начальственная (по впечатлению) дюжина неожиданно оказалась здесь и сразу завладела вниманием ленивого курильщика в пухлом кресле. Как-то так получилось, что они выстроились полукругом, так что восседавший оказался в центре его, и заговорили было все сразу, так что сперва никакой электронике не под силу оказалось выделить из речевого потока хоть какие-то членораздельные синтагмы. Существо с кальяном на это вроде бы никак не отозвалось, продолжало безмятежно вдыхать и выдыхать зелень; и только глаза, у здешней расы глубоко укрытые в глазницах, как в амбразурах толстостенного железобетонного дота, и отблескивавшие лишь тогда, когда свет падал глядевшему прямо в лицо, – глаза курильщика вдруг как бы прыжком (почудилось даже, что щелкнуло при этом) оказались на поверхности, даже выдвинулись над плоским, в общем, лицом и – показалось – даже загорелись угрюмым

красным светом, как если бы внутри каждого из них включился мощный и быстродействующий нагревательный элемент, способный любой металл довести до красного сперва, а потом и до белого каления. И действительно, глаза сидевшего в центре очень быстро налились яростным белым светом с малой примесью зеленого; а достигнув этого – стали медленно поворачиваться вокруг внутренней оси, как астрономические самосветящиеся тела, уменьшенные только до крайней миниатюрности; поворачиваться, фокусируя взгляд поочередно на каждом из лиц, потом быстрым качанием – вниз-вверх – фиксируя каждую фигуру, затем мгновенной остановкой как бы ставя точку и вновь поворачиваясь на несколько градусов, переключаясь на стоявшего следующим, чтобы повторить свои движения в той же последовательности.

Людам в их неведении трудно было определить, что несли и что выражали эти глаза в своем взгляде; но факт был неоспорим: уступая то ли угрозе, то ли, может быть, просто внушению или же подчиняясь более сильной воле, каждый из дюжины, столкнувшись с лучевым ударом этих глаз, вдруг умолкал, словно у него пресекалось дыхание, свои глаза, тоже выдвинутые было на огневой рубеж, поспешно убирал в глубину зрительных туннелей и даже закрывал – но на миг только – амбразуры заслонками век; фигура, только что выражавшая монументальность, сразу как-то обмякала, мало того – начинала покачиваться, выражая неустойчивость. И таким образом за считанные секунды в пространстве вновь воцарились тишина, и стало слышно, как за пределами меблированного пятачка с его полукруглым столом, расположенным перед курильщиком кальяна (именно так и хотелось думать: не он сидел за столом, но стол был расположен перед ним, сидевший – хочешь не хочешь – оставлял впечатление центра системы координат, по которому определялось местоположение всего остального), а также длинными диванами, тоже вроде бы надутыми и составлявшими внешний периметр условной выгородки, – за этим периметром по-прежнему жужжали, щелкали, посвистывали даже разные механизмы. И только тогда центр системы начал издавать звуки, которые теперь для терран стали, как уже упоминалось, сами собой понемногу складываться в постижимые человеческим разумом слова.

– Вы, организм! – Так восприняли люди обращение, каким Центр вовлек в диалог фигуру, стоящую крайней справа. – Э-э... Кто?

Фигура, похоже, несколько растерялась.

– То есть... как это? Простите, Отец Эфира, я не понимаю...

– Кто вы, я спрашиваю – ясно, кажется? Отрекомендуйтесь вкратце.

Организм, показалось, в небольшой мере подрос и расширился. И звук его голоса показался вдруг схожим с густым тоном кулис-тромбона.

– Каждый организм на планете Тивиза скажет вам, кто я: ни один организм в нашем мире не бывает на экранах столь часто, как я! Да, ручаюсь вам: ни один не скажет...

(«Какая-то здешняя звезда, – негромко пробормотал Федоров сидевшему рядом Изнову. – Хотя и не красавец – но это по нашим понятиям, а они, может, таких именно и любят...»)

Сидевший выпустил в сторону телезвезды струйку дыма. Последил за тем, как она завихрилась – и все остальные тоже следили, словно от того, как струйка раскудрявится, и зависело все дальнейшее.

(«Ритуал это, что ли?» – снова шепнул Федоров. На что Изнов ответил лишь кратким «тсс!».)

– Каждый организм на планете Тивиза, – ответил тот, кого только что назвали Отцом Эфира (процедил лениво, когда струйка наконец растаяла до полной незримости), – такой глупости никогда больше не скажет.

Телезвезда – или кем он там был, – могло показаться, превратился на миг в свое собственное бронзовое изваяние.

– Вы, – произнес он горлом, – ничтожный экранщик... Как вы смеете...

Курильщик, похоже, его и не услышал. Он лишь лениво протянул руку к установленному на столе плоскому аппарату и ткнул, даже не глядя, в одну из множества кнопок на панели.

– Штаб общей программы, – проговорил он в пространство, нимало не повысив голоса.

– Я – весь внимание, шеф, – откликнулся аппарат приятным, хорошо поставленным, хотя и слегка взволнованным и выразившим радость голосом.

– Там у вас этот организм... как его бишь? Ну, тот, что до сих пор сидел в Политизиуме...

Э?

– Дир Нак? – не вполне уверенно предположил аппарат. – Наш любимый Персонаж?

– Бэ, какой вздор. Любимый? Ну да, он самый. Вытащите-ка его на монитор. Со всеми потрохами. И покажите мне.

– Одно мгновение, шеф!..

И действительно: не более одного мгновения прошло – и плоский, немалого размера (примерно два метра на полтора) экран, укрепленный на монументальной консоли в пространстве между двумя длинными диванами, за спинами стоявших полукругом, зеленовато засветился, и на нем определилось лицо этой самой телезвезды – узнаваемое без труда, хотя и куда более уверенное, с выражением как бы героически возвышенным и без тех морщин и бородавок, какие можно было без труда различить на оригинале. Глаза на мониторе были обращены, находясь на полном вылете, вперед и несколько вверх – как если бы Персонаж созерцал нечто, невозвышенным организмам недоступное. Весь полукруг стоявших разом, как бы повинувшись неслышимой команде, повернулся кругом и, как и гости и даже сам Отец Эфира, уперся взглядами в изображение.

– Да нет, – сказал Отец лениво, вытащив ненадолго мундштук изо рта. – Эту картинку можете оставить себе – на тот монитор, что у вас в туалете. Выведите мне документы. Поучительные. Ну вот, скажем, из раздела «Развлечения».

Вдохновенное лицо дрогнуло и исчезло; вместо него появилась совсем другая картинка.

– Ну вот, теперь нарисовали то, что нужно, – так же лениво констатировал Шеф. – Король развлекается...

И в самом деле, то, что возникло сейчас на экране, не очень сочеталось со звучным словом «телезвезда», однако вполне могло сойти за развлекательное зрелище. Упитанная полураздетая туша неуклюже ворочалась, передвигаясь на четвереньках, стремясь достигнуть невысокого столика, на котором были богато представлены сосуды весьма характерной, знакомой, пожалуй, на всех планетах формы. Изнов услышал, как Меркурий громко проглотил набежавшую слюну. Поминутно опрокидываясь на бок, туша все же продвигалась вперед и, наконец оказавшись на расстоянии вытянутой руки, медленно разогнулась, напоминая работающий подъемный кран, отягощенный неимоверным грузом, утвердился на коленях, с третьей попытки ухватила сосуд, наклонила – и, крупно сотрясаясь, орошая стол, все же наполнила бокал. Дотянулась до него ртом. Осушила. Несколько секунд шумно дышала, раскачиваясь на коленях, словно маятник метронома. Потом мягко завалилась на бок (бокал покотился по ковру, не разбившись), дрогнула раз, другой, втянула глаза и, похоже, уснула.

– Продатируйте, – потребовал Отец Эфира.

Аппарат немедленно отрапортовал:

– Двадцать восьмое число месяца Листьев.

– Вот-вот, – согласился Отец. – То есть накануне встречи с группой Доверенных Антеларского Конгресса, специально прилетевших для обсуждения Секанской проблемы, невзирая на неблагоприятную обстановку в пространстве в узле Кин. Излишне будет напоминать, что встреча не состоялась, поскольку изображаемый организм если уж начинает развлекаться, то прекращает эту сессию не раньше недели, а то и двух. Вот так. Ну, давайте следующую запись...

– Требую немедленно прекратить это издевательство!

Голос, произнесший эти слова, нимало не напоминал звук духового инструмента, хотя исходил из того же самого организма.

– Ну, зачем же, – возразил Отец Эфира безразлично, – лишать присутствующих нескольких веселых минут? Да и зрелища последуют еще более поучительные и назидательные – для всякого претендента...

– Я... Я очень прошу. Я умоляю, наконец!..

– Ну, разве что так... Хорошо, хватит. Уберите эту порнографию.

Сказанное относилось к возникшим было на мониторе кадрам, в которых уже замелькали какие-то организмы другого пола.

Экран погас.

– И все равно! – совершенно неожиданно для всех закричал вдруг Великий Персонаж. – Вам не удастся, со всеми вашими провокациями и фальшивками... Народ любит меня! Знает! И не позволит...

– Общие программы, – прежним своим негромким голосом, но как-то очень слышно произнес Отец Эфира. – Мое распоряжение.

– Слушаю, шеф!

– Вот то, что вы нам только что показывали, а также все остальное в том же духе, что у нас есть в записях... Много у нас такого?

– Ну, шеф, можно показывать от рассвета до заката, день за днем...

– Ага. Так вот, все это – незамедлительно! – выстроить, смонтировать, снабдить комментарием, размножить по максимуму и разослать в обязательный прокат по всем каналам, внутрипланетным и внешним, эфирным и кабельным – короче, всем, всем, всем! С выпуском в ранние вечерние часы. Ежедневно. Комментарий закажите Ива Серу, у него хорошая хватка на тексты такого рода.

– Э-э... М-м...

– Что?

– Шеф, лучшие часы у нас ежевечерне заняты «Паладином Гриметы», третья сотня серий идет к концу – возникнет недовольство...

– Клянусь эфиром, вы думаете копчиком. Недовольство – от такого материала? Вы лучше просмотрите еще раз программы: нам, без сомнения, придется выкраивать еще и утренние часы для повторения.

– Разве что за счет предвыборных?..

– А больше и взять неоткуда.

– Шеф... Могу я предложить?

– Светлая мысль возникла?

– Просто маленький корректив. Может быть, выделить под эту программу один канал целиком – популярный, скажем, семьдесят шестой – и крутить по нему без перерыва, только с рекламными врезками. А по другим регулярно оповещать об этой передаче.

– Бред. Семьдесят шестой занять – первый спортивный канал? Вот тогда уж точно нас станут брать штурмом. Семьдесят шестой – когда приближаются полуфиналы Кубка Семирад? Придет же в голову такое! Даже последний олух...

– Виноват, шеф. Считайте, что я ничего не говорил.

– Вот то-то. Сделайте лучше вот что: освободите пятьдесят... Нет, не пойдет... Очистите тридцать пятый, вот так. Да-да, порноканал. И по нему гоните круглосуточно, с рекламой, а оповещение об этом давайте по всем программам ежечасно. Уяснено? На все даю вам... бэ... Час.

– Конечно, шеф. Уложусь. Светлая мысль!

– Именно. Ну, выполняйте.

– Уже начал, шеф.

Отец Эфира, или шеф, откинулся на спинку кресла. Пососал мундштук. И только после этого обратил внимание на странное движение, возникшее среди стоявшего полукруга.

– В чем дело? Почему беспорядок?

– Наш Первый Видимый... Ему...

– Можете смело называть его бывшим. С приставкой «экс». Ну, что он? Возражает?

– Он без сознания, шеф. Кажется, проглотил что-то...

– Хлипок оказался...

Он снова протянул руку к пульту.

– Центр здоровья? Врача и носилки ко мне. Нет, не для меня, не волнуйтесь. Тут одного неврастеника надо привести в сознание, потом отвезти домой. В Сиреневый Дворец. Вот именно.

Он затянулся дымом. Повернул голову.

– Итак, продолжим.

– Однако, Отец Эфира... Он все равно не выдержит этого. Возраст, сердце, нервы...

Столько лет на посту...

Шеф смотрел, как струя дыма разрастается кудрявым деревцем.

– Бэ... Да, пожалуй. Сам виноват – забыл, с кем разговаривает.

Он нажал кнопку.

– Общие программы!

– Слушаю, шеф. Работаю, аж дым идет...

– Предыдущее распоряжение отставить до половины. Программу подготовить, но без команды не выпускать.

– Понял. Выполняю.

– Этому – ну, о котором мы говорили только что, – закрыть эфир повсеместно и срочно. – Он несколько повысил голос. – Чтобы впредь ни на одном экране планеты это рыло не появлялось! Даже в сортирах и вытрезвителях!

Стоявший полукруг теперь снова был обращен лицами к Отцу Эфира, но на этот раз как-то явственно, хотя и нечленораздельно, загудел.

– Что, все еще считаете – круто? – поинтересовался шеф. – Любимому Персонажу останется один только путь – искать убежища в других мирах? Да нет, никто его не примет... Нет, я – добрый организм и наказываю мягко. Ну ладно, с этим все. Помогите санитарам, вы там... Что вы копаетесь? Уколите. Пусть приходит в себя. Теперь – вы. Кандидат в претенденты номер два, если не ошибаюсь?

– Так точно, шеф. То есть, я хотел сказать – да.

– Вы это и сказали. Не стесняйтесь точных формулировок. Как вас там, я запомнил?

– Иро Пан, шеф.

– А, да, конечно. Вы этот... этот... Кто вы?

– В смысле – кем сейчас являюсь?

– А какой еще смысл может быть в моем вопросе?

– Разумеется, шеф, вы, как всегда, правы. Сейчас я занимаю пост Главного Начальника по управлению снабжением.

– Ха-ха.

– Простите?

– Надо говорить: «Виноват?»

– Еще раз простите. Виноват?

– Нет, ничего. Просто вспомнилось. Снабжаете чем? Кого?

– Информацией. Членов правительствующего симпозиума. По проблемам экономики, развития планетного хозяйства.

– Бэ. Завидный пост. Это у вас там лепят прогнозы? Не погоды, понятное дело, а экономические. Как все поднять в трехдневный срок, и так далее.

– Ну... В какой-то степени...

– Да вы не стесняйтесь. Всем нам случается врать. Человек слаб. Что же это вы – с такого безмятежного, можно сказать, места – и в самые пучины экраники? Раньше ведь вы других мазали – а сейчас все начнут мазать вас – и не медом... Тягота-то неподъемная. То ли дело – ученый организм, говори, что хочешь – ответственности никакой.

– Э-э... Так сказать, я... – Неожиданно кандидат, казалось, пришел в себя – заговорил громче и уверенней, глаза навывкате как бы заискрились розовыми искрами. – Стремлюсь свои глубокие и оригинальные знания поставить на службу родной планете. У меня уже вся программа продумана, разбита по пунктам... И сыграна будет как по нотам.

– Музыкант... Ну ладно, не старайтесь – и так все понятно. Честолюбие – вот что нас губит. Как сказано – жадность организм сгубила... Так, хорошо. Сейчас посмотрим...

Он снова отвлекся к аппарату.

– Мою личную операторскую. Си? Давай живой ногой ко мне. С примерочным комплектом. В три секунды – бегом марш!

(«А порядочек у них здесь, как на военном корабле, – пробормотал Федоров, ни к кому из своих в частности не обращаясь. – Смотрите-ка: и правда – бегут!»)

«Не понимаю: неужели так трудно помолчать немного? – тут же откликнулся Изнов. – Еще, чего доброго, вызовете неудовольствие...»

«Вы чего это – уже испугались? – густым басом вступил в обмен мнениями Алас. – Подумаешь! Видывали мы и не таких!»

«И все же помолчим лучше, – заключил Меркурий. Был он хмур, и ему все, происходившее на их глазах, похоже, совершенно не нравилось».)

Вызванный же организм тем временем действительно примчался, и не в одиночку: с ним, голова в голову, прибыли еще двое – один тащил объемистый сундучок, другой – какое-то сложное электронно-оптическое устройство, которое и принялся устанавливать незамедлительно, растопырив массивный многоногий штатив. Центр же тройки, видимо, тот самый Си, которому и была дана команда, вытянулся перед шефом.

– Готовы, шеф. Кого примеряем?

Шеф ткнул мундштуком кальяна во второго кандидата.

– Вот его посмотри.

– Слушаюсь. Этого, значит...

Си – был он долговязым, со слегка растрепанной прической, одет в серо-зеленый комбинезон – неторопливыми, мягкими шагами приблизился к примеряемому.

– Будьте любезеньки... Выйдите из строя, чтобы можно было с вами ознакомиться всесторонне... Три шага вперед. Вот-вот, Ваша Перпендикулярность, здесь и остановитесь...

Оператор примерки медленно, не отрывая предельно выкаченных глаз от кандидата в кандидаты, обошел вокруг него раз и другой, неизменно обращая к нему лицом, словно планета, чей оборот вокруг оси равен полному эллипсу, описанному вокруг светила. Затем остановился, плавно повернулся к Центру Координат, склонил голову к плечу и сделал такую гримасу, словно только что тщательно разжевал незрелый лимон. Одновременно он высоко поднял плечи и позволил им свободно упасть.

– Ну как? – поинтересовался шеф.

Оператор-примерщик покачал головой.

– Каша, шеф, жидкая каша на воде. Ни линии, ни фактуры. С таким фасом я постыдился бы выходить на улицу. Да и профиль, надо сказать... Никакого ритма, сплошное спотыкание, этот профиль прямо-таки трещит, а хорошее лицо должно петь, вы же знаете.

Обсуждаемый продолжал стоять неподвижно, лишь часто-часто моргал.

– Да, похоже на то, – согласился Отец. – Ну а если попробовать от противного? Слепить не сахарного красавчика, а наоборот – эдакого уродца, но впечатляющего. Чтобы избиратель вспоминал и вздрагивал.

Оператор секунду помолчал, размышляя. Потом одним прыжком приблизился к аппарату на штативе, приткнулся к видеокамере, нацелился объективом на обсуждаемого, несколько секунд смотрел. Соответствующее изображение одновременно возникло и на большом мониторе. Затем, что-то пробормотав себе под нос, оператор стал нажимать клавиши и переводить рычажки. После каждого его движения лицо на экране изменялось: сжималось, растягивалось, перекашивалось, углы рта то поднимались, то круто устремлялись вниз, оба вместе или по очереди, глазницы сближались, потом вдруг разбегались до предела возможного, глаза стали внезапно безнадежно косить, в одну, а затем и в другую сторону, а дальше и вовсе враздрай: один устремил взгляд вниз, другой – в потолок. Подбородок вовсе исчез, снова возник, вытянулся и вроде бы даже загнулся кверху. Уши вплотную прижались к голове, потом одним движением оттопырились, встали перпендикулярно, словно паруса, ловящие попутный ветер. Менялся и цвет кожи – от густо-красного до светло-зеленого. Все смотрели на экран, все были очень серьезны: на их глазах происходил акт вдохновенного творчества.

Наконец оператор оторвался от нарамника. Вздохнул и развел руками.

– Ну, вы сами видите, шеф. Все возможное... Ну, если уж нет основы, то ее и не будет. Клоуна сделать можно, а вот чудище никак не получится. Только смеяться будут.

– А если пропустить через фильтры?

– Ничего не спасет, шеф. Вы же знаете: уж раз я говорю...

– Знаю, знаю. Ну что же... Постой. Ты все же это сохрани. И еще поработай на досуге.

– Слушаюсь... – В голосе оператора слышалось глубокое уныние.

– Ну, не для этой роли, конечно, – усмехнулся шеф. – Наоборот. Если все-таки подберем кандидата, – он сделал паузу, взглядом просканировал оставшихся в шеренге, пожал плечами. – Не знаю, правду говоря, где мы его найдем – пока все идет какой-то второсортный материал, даже третьи сорта... Но, может быть, посчастливится все-таки... то этого мы выпустим конкурентом – и тогда обеспечим фавориту полную победу. – Он ухмыльнулся, повернул голову к кандидату. – Согласны – на таких условиях?

Как оказалось, претендент был все же не из самых робких и не уверенных в себе.

– Я не в короли красоты баллотируюсь, – заявил он. – И лицо мое, пусть и не очень привлекает дам, вполне нормальное тем не менее. Во мне главное – не облик, а моя программа. И стоит зрителям хоть раз ее услышать, как все разумные организмы поймут...

– Ну конечно, конечно, – проговорил шеф успокоительно. – Все будет очень хорошо, даже самым наилучшим образом, уверяю вас. Вот только как вас зрители услышат – это мне не совсем понятно. Вы собираетесь станцию купить? А кто, интересно, вам ее продаст и кто выдаст лицензию?

– Как бы вы меня ни старались изуродовать, даже с ваших экранов мои слова донесутся...

– Донесутся, безусловно... Си, вы записали все, что он тут вякал?

– До последнего слова, шеф.

– Давайте-ка послушаем...

И Отец Эфира поудобнее устроился в кресле.

В следующее мгновение зал наполнился несусветной звуковой мешаниной. В ней были свист, визг, какое-то кваканье, фырчание и другие, совсем уж неприличные звуки. А единственные членораздельные слова, прорывавшиеся время от времени через этот акустический мусор, имели явно непристойный смысл.

– Вот, уважаемый, что вы нам наговорили.

– Но это возмутительно! Это преступление!

– Да ничего подобного. Помехи, странности прохождения волн, дефекты аппаратуры – мало ли что может приключиться, в мире нет ничего совершенного... Ладно, я уже потерял с вами даже не знаю сколько времени. В двух словах: вы согласны на мои условия? Или я отлучу вас от эфира пожизненно, и вы больше никогда... Да или нет?

Кандидат в кандидаты опустил голову.

– Да... – пробормотал он.

– Что?

– Я говорю: согласен!

– Очень разумно. Да не унывайте, клоун ведь тоже артист – и в политике тоже. Да вы и не единственным таким окажетесь. – Он покосился на остальных. – Подберем еще... Тут кто из вас драться любит, мне помнится. Кто – вы?

Тот, к кому он обращался, отрицательно мотнул головой.

– Это я, шеф, – проговорил стоявший по соседству с первым. – Ну и что? У меня темперамент такой – он требует. Да это всем и нравится к тому же. Так что смело можете выставить меня.

– В принципе, конечно, не исключено – если остальное соответствует. Си, как полагаете?

– Сделать этому примерку, шеф? Так, на первый взгляд, с ним можно будет поработать.

– Сделаем, пожалуй. Только не сейчас. Я устал от всей этой бестолковщины. Надо отдохнуть, хотя бы с полчаса. Вы все – честолюбцы – выметайтесь. Посидите в буфете, что ли. Вам финансирование уже открыли? Нет? Ну, тогда по чашке и по рюмке – за счет предприятия. Ладно, и чего-нибудь на закуску. Вас потом вызовут – когда я решу продолжить наши словопрения... Посмотрите заодно и наши последние развлекательные программы – они иногда бывают даже смешными, хотя и не настолько, как наши сегодняшние дела... Чего вы еще ждете? Шагом марш!

Претенденты послушно замаршировали к выходу из ограниченного диванами пространства. Поднялись со своих мест и пятеро путешественников.

– Нет-нет, – проговорил шеф доброжелательно. – К вам это не относится. Оставайтесь пока что. Си, аппаратуру тоже не трогайте – может быть, еще пригодится. Си! Вы что – оглохли? Уснули?

Оператор примерки, казалось, и на самом деле выключился из реальной действительности: он словно окаменел, вперив взгляд в одну, похоже, точку.

(«Посол! – прошептал Меркурий с некоторым страхом в голосе. – Вы слышите? Ваше Свечение!...»)

«Слышу, конечно. В чем дело?»

«Что он на вас так смотрит? Клянусь мечами, мне страшно! Они тут не каннибалы, случайно?»

«А черт их знает... Вы уверены, что на меня? Скорее на Госта».

«Да вы сами прикиньте... А если даже и на Госта – все равно, это, по-моему, очень опасно. Такой, я бы сказал, хищный взгляд...»

«Да, в самом деле. Давайте все-таки попытаемся хотя бы выйти из этого круга. Встали?»

«Не... не знаю. Я боюсь, а мы совершенно безоружны...»

«Тогда обождем еще: может быть, ничего страшного...»

«Слушайте: о чем они там?»)

Шеф и в самом деле успел еще раз окликнуть своего оператора, прежде чем тот очнулся и уразумел, что к нему обращается начальник. В следующее мгновение он на цыпочках подбежал к Отцу Эфира и склонился к его уху. Он шептал долго, но что именно – услышать было невозможно.

– Да? – громко спросил шеф. – Ты думаешь?

– Вглядитесь сами. Там такой материал, такие возможности – не стыдно будет показать хоть всей Галактике...

Теперь и взгляд шефа устремился на приезжих. Царедворец с Синеры почувствовал себя едва ли не парализованным, словно кролик под взором удава. На этот раз и посол почувствовал устремленный, наверное, все-таки именно на него взгляд, и поежился, словно ему вдруг стало холодно.

– Гм, – проговорил шеф задумчиво. – А знаешь, там и на самом деле что-то есть такое... Нетривиальное, но не настолько, чтобы вызывать сомнения... Бэ, действительно...

– Говорю вам, шеф, – я уже лет двадцать такого не встречал. Пожалуй, со времен самого Ургана Долговечного...

– Да, тот воистину смотрелся, как... как... как не знаю что. Ага. Значит, если примерить с твоих позиций...

– Первокласный материал, шеф. Ну просто лучше не бывает. Я же вам говорю...

– Ну что же: ты меня вроде бы до сих пор не подводил... – Он сделал паузу. – Хорошо. Я обдумал и принял решение. Ты пока сядь и помалкивай. Можешь даже... да, правильно, сходи тоже подкрепись – но чтобы в любую минуту оказаться тут – по первому свисту.

– Слушаюсь, шеф. Только...

– Ну, что у тебя еще?

– Ваше время тоже пришло, шеф. Час обеда. Для вас уже накрыто.

– Клянусь электроном, всегда этот обед наступает не вовремя!

– Шеф, вы же помните: врачи...

– Болваны они, эти врачи. Болваны и тупицы. Но других нет, приходится считаться с этими...

Сердито сопя, он поднялся, оказавшись неожиданно невыразительного роста. Выкатив глаза, повернул голову к путешественникам.

– Придется вам еще обождать. Впрочем... Си! Распорядись, чтобы этих тоже чем-нибудь покормили. Нельзя пренебрегать правилами гостеприимства. Только выпивки не давать. С этим успеется. Так что вы, гости, тоже можете провести некоторое время в буфете – гостевом, разумеется, а не для персонала.

И, сопровождаемый оператором, шеф величественно удалился. На какой-то промежуток времени путешественники оказались предоставленными самим себе.

– Поесть дадут – и на том спасибо, – сказал Федоров, встав и с наслаждением потянувшись. – Холера, я отсидел все на свете... Надеюсь, они там на кухне проявят оперативность.

– Придется вам еще поголодать, друг мой, – вполголоса ответил ему Изнов. – Мы не станем ожидать угощения.

– С какой стати отказываться?

– От голода вы отупели, – сердито вмешался Меркурий. – Неужели не понимаете, что сейчас у нас – единственная возможность сбежать – пока они там кревоугодничают?

– Это верно, – присоединился к нему Гост. – Смотрите, везде пусто – все кинулись питаться. Самое время смыться.

– Куда это вы намылились?

– Да куда угодно – только бы отсюда. Удрать, пробраться к кораблю, а там – глядишь, кривая вывезет... – рассудил Гост. – Я надеюсь, что вы не забыли о грузе протиды? И помните о том, что режим его хранения должен соблюдаться строжайшим образом? Малейшее нарушение режима – и в нем пойдет процесс разложения, а это приведет к такому взрыву, что не только от космодрома мало что останется, но и нам здесь придется ох как плохо... А кто может поручиться, что здешние умельцы, пока нас держат тут, не попытаются поковыряться в корабле?

– Они могут просто конфисковать груз, – присоединился к говорившему и Федоров. – А поскольку они в этом наверняка ни черта не смыслят – без больших неприятностей не обойтись. Кончится же тем, что нас обвинят в диверсии; судя же по тому, что мы успели увидеть, – тут не очень-то церемонятся с теми, кем недовольны... Нет, действительно самое время – навести лыжи.

– Но ведь корабль надежно заблокирован... Разве не так, капитан?

Меркурий только пожал плечами:

– Нет таких замков, которые нельзя было бы открыть. Но дело не только в этом; в конце концов, взрыва может и не быть – однако все мы помним, что время сохранения протиды в условиях корабля строго определено, и не так уж оно велико. А нас тут могут продержат сколько угодно долго. Может быть, захотят, чтобы мы участвовали еще в каких-то съемках, а может... Да мало ли что можно придумать при желании!

– Мы можем заявить официальный протест, – проговорил Изнов – без особой, впрочем, уверенности в голосе.

– О, разумеется! – ухмыльнулся Федоров. – И они, безусловно, принесут нам нижайшие извинения и с почетом отпустят... Посол, разве мы не видели, как тут разделяются со своими? А ведь это, насколько можно судить, вовсе не пешки, не шестерки – это все, как я понимаю, уважаемые, заслуженные актеры – судя хотя бы по их возрасту! Люди известные, быть может, всему этому миру! Наверняка выдающиеся мастера! А уж с нами и точно не станут церемониться, если только мы вызовем хоть малейшее неудовольствие их начальства. Помните хотя бы, как мы сюда попали... Обвинят – ну, хотя бы в проникновении в производственные секреты или во вмешательстве в их внутренние дела. Конечно, они сами нас заставили, но об этом при желании можно легко забыть. А тут мы невольно оказались свидетелями сцены, которая вряд ли предназначена для разглашения – да еще в галактическом масштабе. Так что вряд ли нас отпустят отсюда по-доброму.

– Да, – пробормотал посол. – Пожалуй, вы правы. Может быть, и далеко не во всем – но положение с грузом протиды кажется мне действительно угрожающим. Да, надо уходить. Только как?

– Двигаемся, – командным голосом приказал Федоров, – но очень осторожно, по всем правилам: головной дозор, за ним остальные, я – замыкающим.

– Кто-нибудь хоть соображает – в какую сторону двигаться? – поинтересовался Изнов. – Чтобы не попасть из огня в полымя...

– Да сперва в ту же сторону, что и все, – сказал Федоров уверенно. – Туда, где кормят. У меня такое ощущение, что я уже целую неделю ничего в рот не брал. Воздух здесь, что ли, такой? Тем более что питание нам обещано, так что в сторону буфета мы можем идти смело, не таясь. А там главное – не стесняться, набрать еды побольше, мало ли что еще придется пережить. У кого нет емкостей – пихайте прямо за пазуху... Ну, все готовы? Пошли!

Нимало не скрываясь, они вышли из окруженного диванами пространства и зашагали в том направлении, куда прежде ушли артисты – или кем они там были... Буфет нашли без труда – по скоплению проголодавшихся посетителей Центра; еда была просто разложена на столах и прилавках, никто ни за кем не присматривал, и, жуя на ходу, путешественники не постеснялись захватить с собой столько провианта, сколько можно было, чтобы не вызвать излишних подозрений. Они продолжали держаться плотной группой, и Федорову не пришлось разыскивать никого перед тем, как отдать команду:

– Ну, все в порядке, кажется? Пора пускаться в бега.

– Только куда? – осторожно поинтересовался Алас.

– Выйдем отсюда – а там сообразим. Осмотримся еще раз: никто не следит за нами?

Они внимательно огляделись.

– Вроде бы никого. Только опасно все же... Здесь все так запутано – нарвемся на какую-нибудь неприятность...

– Наоборот, по-моему, все очень просто. Вы же видите: тот, дальний конец этого вокзала открывается прямо на улицу! Вот туда нам и нужно. Окажемся на проспекте, замешаемся в толпу – я даже отсюда вижу, сколько там народу болтается... Ну а дальше будем действовать по обстановке. По-моему, все так просто – проще не бывает. Только не надо трусить. Вот сейчас встанем – и спокойненько пойдем в том направлении.

– Перебежками?

– Ни в коем случае. Прогулочным шагом. Как любопытствующие туристы.

– А если на кого-нибудь наткнемся? Будем драться?

– Там видно будет. Ну – вперед! И спокойно, без дрожи в коленках. Представим себе, что мы – и на самом деле десант, как нам втолковывали совсем недавно. Выброшены в этот неизвестный мир. И готовы ко всяким неожиданностям. Только вот без оружия, к сожалению.

– Вляпались, как последние идиоты, – пробормотал до сих пор упорно молчавший Алас. – Йомть и тридцать три раза йомть. И тем не менее, я думаю, разумнее было бы обождать здесь дальнейшего развития событий. Раз уж мы оказались тут не по своей вине...

– Если только я не ошибаюсь, – невесело усмехнулся Федоров, – вахту правили как раз вы, маэстро. И если бы тогда не стали нажимать кнопки и дергать за рычаги – по вашим словам, из чистого любопытства и еще от скуки, – то мы были бы сейчас очень далеко отсюда, в чистом, никем не контролируемом сопостранстве, летели бы себе – а вам не пришлось бы праздновать труса... Кому же, как не вам, когда мы по вашей милости оказались вдруг в нормальном пространстве, да еще вблизи обитаемой планеты, – кому же, как не вам почудилось, что нас через миг начнут расстреливать на полное уничтожение? Мне, что ли? Или, может быть, Меркурию? Да он третий сон досматривал...

– Интересно, что бы вы тогда подумали на моем месте... Они оказались совсем рядом настолько неожиданно, что любой на моем месте... Ну, что бы вы сами предприняли, увидев вдруг перед собой целую эскадру кораблей совершенно незнакомого типа, каких нет ни в одном определителе? Тоже, я думаю, заорали бы «караул!».

– Да ладно вам, – вмешался Гост. – Выпутаемся – тогда станем разбираться, у кого афедрон шире. Десант – так уж десант.

– Дипломатический десант, – пробормотал Изнов и первым шагнул за периметр ограниченной диванами территории.

Они и в самом деле оказались тогда – впрочем, не так и давно это было, время пока еще измерялось часами, а не сутками и неделями – в непонятной и сейчас еще необъяснимой ситуации. Полностью запрошенная на Иссоре машина после нырка великолепно держала сопостранство, настолько спокойное, что уже на вторые сутки капитан Меркурий и посол Изнов решили, что вахту можно доверять и Аласу с Гостом – для чего они временно из невольных пассажиров были повышены до ранга временных членов экипажа. Все равно на дежурстве делать было нечего; случись что – генеральный компьютер корабля не только доложил бы немедленно об осложнении, но и, не дожидаясь вопроса, выдал бы три, четыре, пять возможных решений – оставалось бы только выбрать любое по собственному вкусу. По малой затруднительности вахты сделали шестичасовыми; подвахта, по отсутствию занятий, если не возилась на крохотном – два метра на полтора – камбузе, предаваясь греху чревоугодия, то гоняла на бытовом экране мультики, благо запас таких кристаллов у Меркурия оказался практически неисчерпаемым. Когда попадалось что-то особо смешное или же трогательное – к зрителю присоединялся и вахтенный, и они ржали или хлюпали носами вместе. При этом они ничем не рисковали: остальные члены экипажа – или беглецы, или путешественники, называй как угодно, – про-

должали спать с таким усердием, словно сон и был главным их занятием и предназначением в жизни; даже не самый избалованный среди них Федоров еще в самом начале полета заявил, что после тюремной койки он, похоже, никогда в жизни не отоспится. На что Гост возразил, что, попади терране в казенную, а не частную тюрьму, поваляйся на тамошних нарах – тогда только и сообразили бы, что такое – комфорт, хотя бы и тюремный, а что – его отсутствие. На что Федоров, в свою очередь, ответил, что поскольку там, куда они летели, акционерных тюрем вроде бы нет, Госту предстоит со всем этим познакомиться раньше всех остальных – кроме Аласа, может быть. Алас же усмехнулся и сказал, что офицеры его ранга на нары не попадают, даже оказавшись в руках своих злейших врагов, ибо все мироздание зиждется на понятиях рангов и привилегий. После этого, так и не сделав заключительного совместного заявления, все разошлись кому куда положено было: одни – припухать в койках, другие же – глазеть на экраны.

Вот и тогда, с приближением – неведомым для них – весьма острого момента, и вахтенный Гост, и бодрствующий Алас с немалым увлечением просматривали очередной мультфильм. Совесть и одного и другого была при этом совершенно спокойна, хотя главный монитор и был оставлен без всякого наблюдения; и они были правы в общем-то, потому что при всяком изменении генеральный компьютер немедля выдал бы информацию не только на главный, но и вообще на все экраны, включенные в это время. Корабль ведь в принципе был приспособлен для обслуживания одним-единственным существом, объединявшим в себе и капитана, и экипаж, и пассажира, и вообще все на свете. Так что возникни вдруг опасность – оповещение о ней вмиг было бы выведено и на этот, бытовой экран, и экипаж смог бы сразу же принять все возможные и нужные меры по ее устранению. Вот оба и глазели на всяческие прыжки и гримасы до смешного уродливых персонажей. Фильм закончился – и тут же, после секундного перерыва, пошел следующий: кристаллы в аппарате менялись автоматически.

– Пожрать бы, – сказал Гост. – Может, прервемся на полчаса?

– Ага, – согласился Алас. – Вот этот еще посмотрим – и сделаем паузу. Не искусством единым сыт живущий, но также и грубой пищей.

– Ладно, – согласился Гост. – Смотри, а это уже совсем другая серия.

– Космическая, – подтвердил Алас. – Такие еще не попадались. Ну, поглядим, что там у них такое завяжется. Не иначе как война в пространстве?

– Да нет, это не пространство, – опроверг догадку Гост. – Сам видишь: ни звезд, ничего, одна серость. Как вот вокруг нас. Нет, они скорее тоже в соппространстве находятся. Как мы.

– Войну в соппространстве покажут? – предположил Алас. – Разве в соппространстве могут быть военные действия?

– Да вроде бы нет, – ответил Гост. – Только это ведь кино. А в кино все возможно. Тем более в мультфильмах. Что придумает, то и рисуй, йомть. Вот бы и в жизни так. Я бы себе нарисовал...

– Точно, война, – сказал Алас. – Может, разбудить наших – пусть тоже посмотрят?

– Вот если станешь их будить, – предостерег Гост, – то война и на самом деле будет. Они нас подушками закидают.

– Буди не буди, – проговорил Алас с ухмылкой, – все равно они не проснутся. Они теперь не меньше суток будут спать. А то и побольше.

– Ну, уж не так плохо они у меня спали, как жалуются...

– А это никакого значения не имеет. Я их накрепко убаюкал.

– Ты?..

– Ужин-то я готовил. А у Меркурия аптечка на борту богатая. В таких делах я уж как-нибудь разбираюсь.

– Ты что же... отравил их? До смерти??

– Ну за кого ты меня принимаешь... Зачем мне покойники? Да и нам с тобой корабль не посадить, когда придет время. Я их крепенько усыпил.

– Зачем?

– Для свободы действий. Мне с самого начала очень не улыбалось лететь на Терру, да и Федерация Гра для меня – не большой подарок. И для тебя, кстати, тоже. Потом – у нас полный груз протиды, стоит он, как ты сам знаешь, густых денег – почему бы нам самим не реализовать товар? Вот я и решил: пускай они поспят, а мы с тобой тем временем обо всем договоримся и решим – куда поворачивать и какую легенду сочинить, чтобы никому было не придраться. Сознайся: неплохо ведь придумано, а?

Гост склонил голову к правому плечу, потом к левому.

– Ну... Что-то в этом есть, а чего-то, может, и не хватает... Ладно, раз уж такое дело – поразмыслим. Времени, ты говоришь, хватит?

– Времени – полные трюмы.

– Ну, давай тогда мультик досмотрим. Что там? Ты смотри, и точно – там у них война назревает. Столько кораблей. А вооружение какое! Ну-у! Я такого и не видал никогда. Нет, это не ракетное, ручаюсь. Такие цилиндры...

– Смотри: отблескивает. Там оптика какая-то, что ли? Лазерные деструкторы?

– Хорошо, если только лазерные... Может, авторы их и аннигиляторами вооружили – экран все стерпит... Ага, ну наконец. Субтитры пошли. Сейчас все пойдем. Смотри, смотри, как выстраиваются: словно бы кольцом... Вокруг кого это они? В центре-то кто?

– Да в центре, похоже, мы... – пробормотал Алас. – Ага! Постой! Все понятно. Это не мультик, парень, понял?

– А что же?

– Это игра. Нормальная компьютерная игра. Вот не думал, что Меркурий этим увлекается! Серьезный мужик вроде бы. Игра! И мы в ней должны участвовать. Только как? Ага, наверное, в субтитрах и дается объяснение... Шрифт очень мелкий. Да и язык какой-то... Ты можешь понять?

– Если бы. Хреновина какая-то. На иссорский ничуть не похоже. И с граанским – ничего общего. Может, из синерианской группы? Поднять Меркурия?

– Я же тебе сказал: его теперь пушкой не растолкаешь. Нет, это не синерианский: знаки ведь совсем другие – никакого сходства. Стой. А может – террана? Ну, на которой эти двое говорят.

– Не канается. Я их тексты видал – на их языке. Ничего общего.

– Вот угораздило дворянина набрать титр на тарабарском наречии. Как же нам в эту игру включиться?

– погоди. Понял. У нас же Генеральный компьютер есть.

– Ну и что?

– Машина мощнейшая. Подключим его к игре; голову на отсечение – он за полминуты этот язык разгадает и нам все на блюдечке выложит.

– Светлая идея. Только он ведь и так при деле?

– Какие у него дела: наблюдать за пустым сопостранством. При его-то мощности! Да он и не заметит дополнительной нагрузки!

– Меня ты уговорил. Осталось уговорить компьютер. Пошли в пост! А то игра-то идет, смотри: они уже кольцом стоят и начали, похоже, стягиваться к центру – к нам с тобой. Пора войти в игру. Давай!

Дверь послушно уехала в переборку, и оба оказались в центральном посту корабля. И остановились, каменея.

Потому что на большом мониторе Генерального компьютера увидели то же самое, что было и на маленьком, служившем для развлечений. Только в другом увеличении. И видно все было очень четко и ясно.

– Дьявол! – пробормотал Алас. – Он что – сам подключился, что ли? Откликнулся на наше желание?

Но Гост начал уже понимать, что к чему. И ему сделалось очень не по себе.

– Он и не отключался вовсе!

– Но это же игра на нем!

– Игра для дураков. Вроде нас с тобой. О, боги...

– Что ты там бормочешь?

– Ты слабоумный? Не понял, что ли, – никакая это не игра! Компьютер показывает реальную обстановку!

– И эти корабли...

– Они есть, Алас! И находятся именно там, где мы их видим!

– То есть окружили нас?

– Вот именно.

– А эти надписи... Они что-то передают нам. Требуют каких-то действий. Но мы, к сожалению, ни слова не понимаем. Господи! Что теперь будет?!

– Алас! Буди всех!

– Я же тебе сказал...

– Плевать я хотел на то, что ты сказал! Нашел средство усыпить – сумей и разбудить их. Поройся в той же аптечке... А я тем временем попробую хоть что-то просигналить. Чтобы они не заподозрили нас во враждебных замыслах... Потому что, судя по их действиям, они настроены крайне воинственно. О! Смотри...

– Бог и все дьяволы! Они наводят на нас эти штуки...

– Ты еще здесь? Буди капитана!

– Я уже бегу! Уже бегу! Господи! Они...

Он не успел договорить. Экран озарился ослепительным светом. Потом потемнел.

– Ну, пришел нам конец, – пробормотал Алас. – Сейчас...

– Убью! – заорал Гост что было сил.

Алас исчез в двери. Гост невольно пригнулся; он не очень верил, что в них попадут с первого залпа – судя по прыгающим изображениям на экране, Генеральный компьютер самостоятельно производил маневр уклонения, – но все же – как знать... Он почти лег на пульт, схватился за его закраины.

Ничего, однако, не произошло. Ни малейшего сотрясения, никаких осколков – словно бы и не стрелял никто. Неизвестные же нападающие продолжали неторопливо сжимать кольцо в плоскости, перпендикулярной курсу, какого все еще придерживался корабль Меркурия. Лишь временами один или два из них покидали кольцо, то стремительно обгоняя корабль и на несколько секунд как бы замирая впереди, словно они стремились таранить атакуемого; однако едва ли не в последний миг быстрым маневром уходили с курса и вновь занимали свое место в строю среди остальных уравнивших свои скорости с судном беглецов и описывавшим синхронно медленную циркуляцию вокруг него, – то, напротив, отставали, резко тормозя, и пристраивались в кильспейс. И снова то на одном, то на другом вспыхивали ярчайшие огни – без всякого, однако же, урона для преследуемых.

Так продолжалось, пожалуй, не менее получаса. Опытный пилот, разумеется, заметил бы время с точностью до секунды, Гост этого не сделал – слишком уж был взволнован, чтобы не сказать напуган, но компьютер наверняка отметил и время начала атаки, и все последующие маневры пиратов – или кто они там были. Немного придя в себя, Гост решил, что нужно хотя бы включить носовой прожектор – чтобы дать понять, что противник замечен и что преследуемый

корабль не намерен применять оружие, – иначе вместо прожектора включились бы средства защиты; Гост, правда, толком даже не знал, имеются ли они на этом корабле, а если и есть, то какие именно.

Трудно сказать, что предпринял бы он в дальнейшем, если бы за переборкой не послышались голоса – хриплые и сердитые, какие бывают у людей, разбуженных в пору самого сладкого сна. Гост облегченно вздохнул, а в следующее мгновение в центральном посту появились немилосердно зевавшие и теревшие глаза Меркурий и оба терранских дипломата. Меркурий окинул экран быстрым взглядом, тут же, ни слова не сказав, плюхнулся на пилотское кресло и кинул пальцы на клавиатуру Генерального. Пальцы тут же задвигались, как вышколенные солдаты, каждый из которых и без команды знал свой маневр. На экране вспыхнул вопрос:

«Численность нападающих?»

Ответ последовал незамедлительно:

«Восемнадцать тел».

«Создают ли их действия угрозу?»

«Действия угрозы не создают».

«Согласованы ли их действия между собой?»

«Действия согласованы».

«Пытаются ли они установить связь с нами?»

«Ведется передача. Код неизвестен».

Меркурий, нажав одновременно на три клавиши, включил дешифратор.

«Ищи смысл».

«Поиск начат».

«Непрерывно передавай наши опознавательные и характеристику нашего кода».

«Выполняю».

«Есть ли выводы о намерениях посторонних тел?»

«Опознаю тела как управляемые корабли. Предположение: хотят изменения нашего курса».

И в самом деле: один из кораблей кольца снова, увеличив скорость, вырвался вперед и опять оказался на курсе путешественников; однако на сей раз не стал затормаживаться, а продолжал двигаться с той же скоростью, что и судно Меркурия, как бы указывая ему путь. И почти одновременно на нем – на одной из далеко вынесенных решетчатых ферм, на правой – зажегся и замигал яркий зеленый свет.

– Черта с два, – мрачно пробормотал Меркурий и отстучал на клавиатуре:

«Сохранять прежний курс».

«Выполняется».

Передний мателот тем временем начал плавно изменять курс, уходя вправо по дуге большого радиуса и все более смещаясь к краю экрана.

– Вообще-то это возмутительно, – заявил Изнов сердито. – Мы находимся в сопространстве, не подлежащем ничьей юрисдикции, и никто не имеет права препятствовать нам в совершении рейса. Мы не создаем ни для кого ни малейшей угрозы... Вы не можете попытаться объяснить им это? Не могут же они не знать общеизвестных истин!

– Попытаться-то я могу... Но если они не захотят понять, то у них будет полная возможность исполнить это их желание.

– Тем не менее такие действия предусмотрены шестой главой специальной части Космического права, и мы просто обязаны призвать их к порядку.

Меркурий, пожав плечами, снова занес руки над клавиатурой. Но, упреждая его, компьютер выбросил на экран надпись:

«Корреспондент использует код, близкий к Лотарианской группе. Возможна частичная расшифровка».

«Вывести расшифровку на экран», – тут же отозвался капитан.

Несколько мгновений экран оставался чистым. Затем на нем начали возникать строки, хотя и с ощутимыми пропусками, а порой и со словами, какие вряд ли можно было бы разыскать даже в самом фундаментальном словаре.

«Планетелентр Тивиза убеждает причастие всегалакт смотрители движение избор очень (весьма, сугубо) большой пресиделец всего народоления оглавление обезжарено прицелом и незабвенные подачки на возлюбленный зритель – не опознано – не опознано – злой дух опасность просимы не загораживать мы (нас, нам, нами) прибежать насилу просим крикнуть со голос ее брать мы (нас, нам) ставит впереди говорить говорить тивидра три».

– Бред собачий, – сказал Меркурий. – Ну-ка, пусть прогонит еще раз.

Но и после повторной команды текст появился без всяких изменений.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – спросил Изнов, задрал брови чуть ли не до затылка.

– Понимаю только, что нам хана, – пробормотал Гост. – Ей-богу, ради такого результата не стоило забираться так далеко.

Федоров задумчиво почесал в затылке.

– Погодите читать отходную... Что-то здесь все-таки прощупывается, мне кажется. Мерк, уступи мне местечко на несколько минут.

Меркурий сорвался с кресла мгновенно, словно только и ожидал такого приглашения. Федоров уселся, обеими руками пригладил волосы, собираясь, видимо, с мыслями, потом вытащил на экран меню, просмотрел, покачал головой:

– Слабо вы там вооружены на Синере, неубедительно... Мерк, будь любезен – там в каюте мой сидор...

– Сидор – это, по-моему, архаичное мужское имя, – припомнил вслух синерианский вельможа.

– Эх ты, лингвист... Мой саквояж, пожалуйста. Сумку. Уразумел?

Меркурий послушно выполнил просьбу. Передавая сумку, сказал:

– Итак, сидор? Очень интересно... Я всегда говорил, что на Терре, в России, язык обновляется быстрее, чем мода.

Федоров лишь ухмыльнулся и не стал поправлять синерианского лингвиста. Он вытащил из одного из многочисленных отделений сумки маленькую коробочку. Осторожно извлек из нее плоский кристалл.

– Где тут у тебя шестимиллиметровый драйвер? Ага, уже вижу. Ну-ка, попробуем нашу программу...

Он ввел кристалл, нажал несколько клавиш. Хмыкнул:

– Ну-ну...

Сгрудившись за его спиной, остальные ждали. Генеральный компьютер трудился больше минуты. Наконец на экране возник уже вполне связный текст:

«Планетарный Телевизионный центр Тивизы (предпол. название планеты) убедительно приглашает принять участие (в качестве) (независимых) галактических наблюдателей (в кампании) по выдвижению и выборам Великого Президента всего (тивизианского) народа. Содержание (на время пребывания на Тивизе) обеспечено целиком, (предусмотрены также) памятные подарки каждому (любому) наблюдателю. (Также гарантируем) полную безопасность. Просим не вынуждать (заставлять) нас прибегать к силе. Просим принять нашего представителя для подробных переговоров. (Отправитель) – Телевизионная эскадра (номер) три».

– Всего-то и делов, – сказал Федоров небрежно.

– Что это у вас за программа? – поинтересовался Алас.

– Обычная, – ответил Федоров невозмутимо. – Специально для дипломатов.

Изнов чуть приподнял уголки губ.

– Для некоторых дипломатов, – уточнил он. – Но сейчас не это главное. Коллега, мы можем передать достаточно понятный ответ?

– Полагаю, что да. А что вы хотите ответить?

– Думаю, что придется выполнить их просьбу – в той ее части, где они просят принять их посланца и не вынуждать их прибегать к силе.

– А если представителей окажется дюжина, и вооруженных к тому же? – поинтересовался

Гост. – Похоже, они – хотя не знаю, с кем нам приходится иметь дело, – считают нас непроходимо наивными.

– Вы видите другой выход? У них – восемнадцать единиц... Так что с нами они могут разделаться и не поднимаясь на борт. Мы же, по сути дела, безоружны...

– Ну, автоматы-то у нас есть, – уточнил Федоров.

– О, против их лазеров это – непобедимое оружие!

– Они вооружены, похоже, в основном телекамерами. Пока они, я полагаю, лишь снимали нас, ничего более, – предположил Гост.

– А вы уверены, что они оснащены только телекамерами? – поинтересовался посол.

Гост промолчал, только пожал плечами.

– Попробуйте передать такой текст, – сказал Изнов: – «Согласны принять одного представителя для переговоров с условием, что остальные корабли не приближаются». Сообщите данные о нашем шлюзе – пусть позаботятся о переходнике, если он им нужен. И побыстрее, пожалуйста, накрутите эту вашу чудо-программу, иначе... Я не уверен, что они отличаются долготерпением. Во всяком случае, если судить по нашим терранским телевизионщикам...

– Да и по нашим тоже, – хором сказали все остальные.

– Ладно, – проговорил Федоров, – в конце концов, одной ошибкой больше в нашей дипломатической карьере, одной меньше – разница непринципиальная.

И он снова повернулся к пульту. Отстучал текст и приготовился принять ответ. Но приготовления оказались напрасными.

– Что за черт! – пробормотал он. – Мерк, твоя механика чудит. Он не желает больше работать. Погляди, что за свистопляска! Тебе приходилось встречаться с таким поведением?

И в самом деле, разноцветные индикаторы компьютера затеяли какую-то странную игру. Похоже было, что машина переваривала какую-то странную программу.

– Пусти-ка! – и Меркурий почти столкнул Федорова с пилотского кресла.

– Вот она, хваленая дворянская обходительность! – ухмыльнулся дипломат разведки.

Меркурий между тем вступил в оживленный диалог с Генеральным компьютером – на пальцах, словно с глухонемым. Но через минуту руки синерианина бессильно упали.

– Он мне больше не подчиняется...

– Надеюсь, мы его не пережгли? Или он не выдержал этой дешифровочной программы?

– Да он может выдержать в миллион раз больше и сложнее! Нет, тут хуже. Они у себя перехватили управление им – не знаю уж, каким способом, – вернее всего, по одному из его внешних каналов. И теперь он подчиняется только им.

– Понятно, – медленно проговорил Изнов. – Они получили наше согласие и решили, что в дальнейшем могут с нами не церемониться. Что же нам остается?

– Сложить руки и ждать, – ответил Меркурий.

– Только не складывайте их на груди, – посоветовал Федоров. – Все равно соответствующих свечек не найдется.

– Ну а ты что предлагаешь?

– То же самое: ждать. Но в руки взять не свечки, а эти самые презренные автоматы – пусть этот их парламентар видит, что мы не собираемся сдаваться просто так.

Пока Генеральный компьютер, совершенно вышедший из повиновения, совершал посадочные маневры, Изнов – теперь руководство снова перешло к нему, поскольку в капитане они

пока что больше не нуждались, – приказал подальше спрятать все оружие. Федоров попытался было возразить, но Полномочный посол тут же пресек всякие попытки:

– Вы же не собираетесь воевать со всей планетой?

Федоров, прежде чем ответить, поглядел на экран. Планета была достаточно большой, чтобы отказаться от такой мысли.

– Во всяком случае, не сразу, – произнес он осторожно.

– Ну вот и не будем показывать, что у нас могут возникнуть подобные мысли.

Оружие спрятали. Затем посол приказал всем одеться поприличнее.

– Мой мундир остался в тюрьме, – сказал Гост с некоторой обидой.

– А меня вообще похитили едва ли не в чем мать родила, – добавил Алас.

– Меркурий, вы ведь возите с собой свой гардероб, – напомнил Федоров.

– Мой придворный туалет вряд ли сочетается с этими физиономиями, – возразил царедворец. – И вообще синерианский закон запрещает кому бы то ни было носить платье других сословий.

– Ну а у нас на Терре с этим куда свободнее, – сказал Изнов голосом, не допуская возражений. – И поскольку мы, все здесь присутствующие, будем называться Терранской дипломатической миссией, попрошу неукоснительно выполнять все мои распоряжения. Во всяком случае, до того времени, пока обстановка не разъяснится совершенно.

– Надо перевести? – спросил Федоров. – Или все ясно?

Все действительно оказалось совершенно ясным.

– Смотрите: один из кораблей и в самом деле направляется к нам, – возгласил Алас – единственный, пожалуй, из пятерых, не испытывавший, казалось, никакого волнения.

– Что же: приходится вспомнить, что мы все-таки дипломаты, – усмехнулся Изнов. – Советник, наши документы, надеюсь, в порядке?

– Были бы мы в порядке, – сказал Федоров. – А уж бумажек я, если понадобится, настругаю вам полную корзину.

Корабль неизвестных перехватчиков медленно приближался.

– Совсем не похоже на нашу конструкторскую традицию, – с интересом проговорил Меркурий. – Помесь морского ежа, какие водятся у вас на Терре, и положенной на ребро лестницы. Любопытно...

– К сожалению, они все же летают, хотя на нас и не похожи, – ответил Федоров. – Было бы лучше, если бы они были похожи, но не летали.

– Или летали бы где-нибудь в другой части мироздания, – присовокупил Гост.

– Ничего не напишешь – это их пространство, – пожал плечами Алас.

Федоров внимательно посмотрел на него, но промолчал.

– Ладно, – сказал Изнов. – Готовимся к встрече.

– На одного линейного дистанции! – скомандовал Федоров. – Вот только оркестра нет для полной торжественности. Хотя боюсь, что шума и так будет предостаточно.

– Пожалуйста, не настраивайтесь на драку, – попросил Изнов. – Мы оказались в достаточно двусмысленном положении. Как мы вообще попали в это пространство? Мы ведь шли в никому не принадлежащем сопостранстве, никого не беспокоили... Как мы ухитрились вынырнуть здесь? Нас силой вытащили, что ли?

– Не надо было разрешать ему, – Федоров кивнул в сторону Аласа, – править вахту.

– Я тут ни при чем, – заявил бывший полковник.

– Ладно, разбираться будем потом – если останется такая возможность, – остановил их Изнов. – Они уже выдвигают рукав. Постарайтесь не схватываться хотя бы при посторонних.

– Открываю внешний люк, – объявил Меркурий.

Оба столь несхожих друг с другом корабля ухитрились все-таки соединиться в единое, хотя и хрупкое, целое. Остальные корабли тем временем продолжали описывать прежнюю

окружность вокруг теперь уже двойного центра. Они вновь и вновь озарялись ярчайшими вспышками.

– Да, телевидение у них на высоте, – сказал Гост.

– На весьма большой, – согласился Меркурий, тем временем манипулировавший клавишами и тумблерами стояночного пульта и не забывавший наблюдать за большим экраном. – Кстати, до их планеты остается не более двух миллионов километров – если только мой грамотей правильно переводит их меры в наши.

– Поживем – увидим, – сказал Изнов успокоительно.

– Если поживем, – проворчал Гост.

Стыковка, синхронизация работы люков и сам переход прибывшего парламентаря – или как еще можно было его назвать – прошли без осложнений. И уже через несколько минут собравшиеся в салоне путешественники (в центральном посту остался только Меркурий, не желавший оставить органы управления кораблем без призора) смогли узреть представителя нового для них мира, так сказать, в натуральную величину, без применения оптики и электроники. И особого изумления у них при этом не возникло.

Собственно, удивляться, правду говоря, было и нечему. Население Тивизы – во всяком случае, судя по парламентарю – в принципе не отличалось от самих прилетевших: две нижние конечности, две верхние. Пальцев, правда, был недочет: всего по четыре на каждой руке, зато противостоящих было целых два, так что получалась странная конфигурация: два больших пальца и два указательных; наверное, в этом было даже какое-то удобство. Зато тивизианин совершенно не имел шеи, торс плавно переходил в голову, что, надо полагать, значительно ограничивало возможность оглядываться, не поворачиваясь всем туловищем. Однако и в этой анатомической странности имелось, без сомнения, свое удобство, что не преминул заметить Гост:

– Вряд ли здесь в моде повешение, – пробормотал он.

– Мелочь, но приятно, – согласился с ним Федоров. – Вообще он сильно напоминает мне огурец – только несколько переросший. Интересно, каков он был бы в засоле.

– Не думал, что вы склонны к каннибализму, – укоризненно проговорил Изнов, одновременно ослепительно улыбаясь вновь прибывшему.

– Главное – чтобы людоедством не страдали они, – ответил Федоров. – Я уж как-нибудь стерплю...

И он тоже заулыбался, потому что как раз в это время парламентарь обратился к ним с длинным монологом, который они решили считать приветственной речью, не поняв, правда, ни единого слова, поскольку язык местных обитателей больше всего напоминал достаточно монотонную мелодию, исполняемую на расстроенном ксилофоне.

Для полного соблюдения ритуала надо было чем-то и ответить. И посол торжественно откашлялся, хотя и чувствовал себя несколько стесненно: еще никогда в жизни он не оказывался в столь глупом положении, вынужденный говорить что-то существу, заведомо его не понимающему.

– Уважаемый господин! – провозгласил он так громко, как только был способен. – Я счастлив заявить вам, что птичка божия не знает ни заботы, ни труда, хлопотливо не свивает долговечного гнезда, и еще чего-то там такое, встрепенется и поет: расцветали яблони и груши, я очень люблю груши, господа встречающие, и не премину заметить, что броня крепка и танки наши быстры, но тем не менее – извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается, и значит, наверное, что-нибудь произойдет, а кто спорит, тот ничего не стоит. О чем и заявляю торжественно от имени Правительства Терранской Федерации, а также любого, кто захочет присоединиться к моему заявлению. Все на выборы, господа!

Последние слова он выкрикнул с неподдельным энтузиазмом.

– Что это вы там наплели? – поинтересовался Федоров вполголоса. – Урина в голову ударила? Слишком сильное потрясение? Да не стесняйтесь: может, вам нужна первая помощь? Или последняя?

– Да бросьте вы, – отмахнулся посол. – Должен же и я хоть как-то развлечься, я тоже живой человек; а этот все равно понял не больше, чем мы, из этой его лягушачьей музыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.